
ЛИНА ВЭЛЬ
ГРАНИЦЫ ЧУВСТВ
Снова спрятаться за привычной рутиной
или рискнуть и поверить, что перемены
могут быть счастливыми
18+

Лина Вэль

Границы чувств

https://litres.ru/74925659
SelfPub; 2026

Аннотация

«Она так долго старалась быть хорошей, что почти забыла, какой бывает настоящая усталость — не та, которую прячут за улыбкой, а та, от которой хочется просто сесть и не вставать. Её брак стал привычкой, быт — ритуалом, а тишина в доме — самым громким звуком. Но однажды кто-то просто не спрашивает как дела?, а говорит: Собирайся, быстро! И этого достаточно, чтобы вечер перестал быть очередным пунктом в списке прожитых дней. В этой истории нет злодеев, есть только честный взгляд на то, как мы теряем себя в рутине — и как находим снова: в чужом спокойном взгляде, в праве сказать мне тяжело и не чувствовать себя виноватой. Первая книга— о том, как путь к себе начинается не с революции, а с одного маленького шага: выйти из дома и позволить себе быть не идеальной, а живой.»

Содержание

Пролог.	4
Глава 1.«Вечер, который перестал быть обычным»	8
Глава 2.«Как мы снова стали живыми»	20
Глава 3.«Леопардовая вечеринка»	26
Глава 4.«Как мы с директором решили встряхнуть коллектив»	33
Глава 5.«Цена одного вечера»	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Границы чувств

Пролог.

В провинциальном городке лето всегда пахнет по-особенному: нагретой пылью, цветущей липой и чуть горьковатым запахом старых тополей. В тот день воздух был таким тёплым и густым, что хотелось дышать им медленно, растягивая каждое мгновение, будто оно могло стать лекарством от всех тревог. Мне было двадцать пять, и я всё ещё пыталась верить, что счастье прячется в простых вещах: в прогулке под солнцем, в лёгком ветре, который путается в волнистых волосах, в том, чтобы просто идти рядом с любимым человеком и чувствовать его плечо.

Я была замужем уже пять лет. Когда-то Матвей казался мне целым миром — молодой, немного неловкий, с этой своей застенчивой улыбкой, от которой у меня внутри всё замирало. Он был моей первой любовью, и в его взгляде тогда читалось столько нежности, что мне казалось: я могу быть любой — смешной, неуклюжей, настоящей — и он всё равно будет смотреть на меня так, будто я самое чудесное, что случалось с ним.

Но годы стёрли эту лёгкость. Маски, которые мы носили в начале, спали, оставив после себя не откровенность, а привычку замечать друг в друге только недостатки. Матвей, по-

гружённый в свой мир кода и логики, всё чаще видел во мне не ту девушку, которую когда-то полюбил, а список невыполненных задач: не так приготовлен ужин, не так убрана квартира, не так одета. Быт, который когда-то казался уютным, теперь душил своей рутиной и вечными упрёками.

Тот летний день должен был стать маленьким праздником среди серых будней. Я надела чёрный топ и светлые джинсы, кроссовки, в которых удобно было шагать по тёплым тротуарам, а на волосы повязала бандану — мне казалось, что в этом образе есть что-то дерзкое и свободное, как у героинь старых романтических фильмов. Волнистые пряди выбивались из-под ткани, и это нравилось мне: в этом была жизнь, движение, лёгкое непослушание. Я посмотрела на себя в зеркало и улыбнулась. Ещё пять минут назад я улыбалась.

Мы вышли из подъезда, и солнце ударило в глаза, заставляя на секунду зажмуриться. Я вдохнула этот летний воздух, предвкушая прогулку, когда голос Матвея прозвучал рядом — не ласково, не заботливо, а резко, словно он ставил точку в разговоре, которого я даже не начинала:

— Ты надела этот топ, чтобы дразнить других мужчин? Выглядишь вульгарно. Да и посмотри на свой живот… Фу, брезгую.

Эти слова упали между нами, как камни, разбивая тот хрупкий мир, который я пыталась сохранить внутри себя. Я не смогла вымолвить ни слова. Внутри всё сжалось, а потом стало холодно, несмотря на жару. Его взгляд, такой привыч-

ный и в то же время чужой, скользнул по мне, будто оценивая и находя очередной изъян. А я стояла, чувствуя, как эта секунда навсегда врезается в память, добавляя ещё один камешек к тем комплексам, что уже лежали тяжёлой грудой где-то глубоко внутри.

С того дня я начала прятаться. Сначала — в одежде оверсайз, которая скрывала фигуру и делала меня незаметной, будто если меня не будут видеть, то и не смогут ранить. Потом — в себе самой, стараясь стать тише, незаметнее, чтобы не вызывать новых упрёков. Моя улыбка стала реже, смех — осторожнее, а границы между «я хочу» и «так надо» окончательно стёрлись.

Но в этой тишине, среди приглушённых красок моей жизни, появился Артём. Он не ворвался в неё с громкими обещаниями или попытками спасти. Он просто был рядом — внимательный, спокойный, умеющий слушать так, что казалось, будто каждое моё слово для него важно. С ним я впервые за долгое время почувствовала, что меня видят — не как набор обязанностей, не как список недостатков, а как Анжелику: живую, ранимую, но всё ещё способную мечтать. Он не пытался стереть рошлое, но помог мне поверить, что впереди может быть что-то светлое.

Эта история — о том, как я училась заново слышать себя. О том, как маленькая фраза «стоп, хватит» может стать первым шагом к свободе, а слова «я выбираю себя» — началом новой главы. Это история о том, как даже в самом тихом

сердце может разгореться огонь, если рядом окажется тот, кто поможет ему не погаснуть.

Глава 1.«Вечер, который перестал быть обычным»

Этот вечер начинался как все остальные — из тех, что потом сливаются в одну серую череду и почти не вспоминаются. Я уже знала этот сценарий наизусть: Матвей вернётся, привычно сбросит ботинки у двери. И они упадут с тем самым глухим стуком, будто сами устали за день.

Я поставила тарелку на кухне, подала ему ужин. Старалась держать руки ровно, чтобы они не дрожали, будто если буду делать всё спокойно, то и тишина вокруг станет уютной, а не давящей. Но она всё равно звенела — эта наша бытовая тишина, ставшая почти ритуалом.

Матвей коротко, почти по-деловому, пересказывал итоги дня. В его голосе не было ни драмы, ни ярких красок — только факты, выстроенные в ровную линию, как кирпичики, из которых он строил свой день. Он говорил ровно, будто читал отчёт, и в этом спокойствии было что-то надёжное, но и бесконечно далёкое. Его голубые глаза смотрели не на меня, а куда-то сквозь, в собственные мысли, где всё было разложено по папкам и срокам.

Я пила сладкий кофе, а он вдруг оказался удивительно горьким. Сделала глоток и невольно поморщилась — и эта горечь будто вытащила наружу то, что я старательно прята-

ла: ощущение, что мой день не сложился ни в какую ровную линию. Он рассыпался на мелкие, не связанные друг с другом кусочки: чашка, которую я забыла помыть, письмо, на которое не ответила, разговор, который так и не состоялся.

Матвей зевнул, потянулся, сказал, что глаза слипаются, и ушёл в спальню, оставив меня одну с этой тишиной, которая вдруг стала слишком громкой. В ней было слышно даже, как тикают часы в коридоре — размеренно, безжалостно, будто отсчитывали секунды, которые не складывались ни во что важное.

Я осталась на кухне — не потому, что нужно было убирать, а просто чтобы не идти туда, где тишина давит сильнее. Взяла телефон, открыла ленту новостей, но не читала: глаза скользили по строчкам, а мысли оставались где-то в стороне. Наверное, моё лицо стало пустым, стеклянным — таким, когда эмоции будто выключили, а включить обратно не получается. Экран мерцал, картинки мелькали, но ни одна не задерживалась в сознании. Мои волнистые каштановые волосы, обычно такие живые, сегодня казались чуть растрёпанными, будто день вытянул из них всю энергию.

И тут телефон резко зазвонил — так настойчиво, будто кто-то ворвался в эту тишину без стука. На экране высветилось: «Мария». Я улыбнулась ещё до того, как поднесла трубку к уху — Маша всегда звонила так, будто мир не может подождать ни секунды.

— Алло, приветик, Мария, — сказала я и сама услышала

в своём голосе эту лёгкую, почти детскую радость, которая всегда появлялась рядом с ней.

— Привет, привет, Анжелика! Собирайся, быстро! Через полчаса встречаемся в кафе, адрес скину! — прокричала Маша, и её энергия будто прорвалась сквозь динамик и ударила по мне волной.

Маша была из тех людей, которые не спрашивают, как ты себя чувствуешь, а просто вытаскивают тебя из твоей тишины. Я невольно выпрямилась, будто от этого голос должен был звучать бодрее.

— Что? Куда? Зачем? — закидала я её вопросами, но уже чувствовала, как внутри что-то ёкает — не от страха, а от предвкушения.

— Нас Артём позвал, в кафе. Посидим, поговорим, развеемся! — выпалила Маша, и в её голосе было столько энтузиазма, что сопротивляться не получалось.

На секунду я задержала дыхание. Артём… Он был другом Маши и моим бывшим коллегой, но за всё время, что мы работали вместе, мы почти не пересекались вне работы. Наши разговоры всегда были короткими, рабочими: «Ты видела письмо?», «Когда будет готова слойка?». Никаких личных историй, никаких долгих взглядов — только задачи и сроки. Но даже в этих коротких фразах в нём чувствовалась какая-то особенная искра: он умел рассмешить одной фразой, умел одним взглядом показать, что всё не так плохо, даже если дедлайн горит.

Артём был из тех, кто не старается понравиться — он просто есть. Чуть выше меня, немного упитанного телосложения, но в нём не было ни капли расслабленности. Под ноль постриженные волосы, густая борода, татуировки-рукава на руках — и при этом в нём ощущалась спокойная уверенность человека, который знает, чего хочет, и не тратит время на лишние позы. Его карие глаза всегда смотрели прямо, будто считывали не слова, а то, что за ними прячется.

Что-то внутри меня снова дрогнуло — на этот раз сильнее. Мне вдруг очень захотелось туда, в это кафе, где люди говорят не о бытовой жизни, а о чём-то настоящем. Хотелось выйти из этой рутины, пусть даже на пару часов. Тем более что с Матвеем мы редко куда-то выбирались — то он уставал, то я, то просто день проходил так, что к вечеру сил хватало только на то, чтобы дотащиться до дивана.

— Маш, мне надо сначала с Матвеем поговорить, он после работы ушёл спать. Мне кажется, он откажется, а одну, как всегда, меня не пустит, — сказала я, и в голосе прозвучала не просьба, а скорее извинение — будто я сама чувствовала, что просить об этом немного неловко.

— Лик, давай буди его и напиши мне, но я буду очень рада тебя видеть! Уговори его, ладно? Жду ответа! — быстро проговорила Маша и, не дав мне вставить ещё хоть слово, сбросила звонок.

Я посмотрела на телефон, потом на дверь спальни, будто она могла подсказать, как лучше поступить. И вдруг поняла,

что не хочу откладывать. Не хочу думать, не хочу взвешивать «за» и «против». Резко встала, чуть не опрокинув стул, и почти побежала в спальню.

— Матвей, вставай, вставай! Нас позвали в кафе! Хватит спать… Мы ж ещё не старики с тобой! — я запрыгнула на другую половину кровати, села рядом с ним, поджала ноги, наклонилась ближе, будто от этого он должен был проснуться быстрее.

Мои каштановые волосы рассыпались волной, а в глазах, наверное, горел тот самый свет, который Матвей когда-то очень любил — свет, в котором было столько жизни, что рядом с ним хотелось просыпаться даже после самого тяжёлого дня.

Матвей медленно, лениво повернулся на спину, приоткрыл сонные глаза — в них ещё держалась дремота, тяжёлая и густая, как туман. Он поморщился, будто свет лампы вдруг стал слишком ярким, и пробурчал:

— Куда? Кто? Что ты хочешь?

Я тут же начала рассказывать — быстро, сбивчиво, перескакивая с одного на другое: про Машу, про Артёма, про то, что это просто посидим, просто выпьем кофе, просто развеемся. Слова лились потоком, и я сама не замечала, как в них проскальзывает та самая надежда, которую я обычно прятала: «Пожалуйста, скажи да. Пожалуйста, не говори, что устал».

Матвей ещё немного поворчал — про то, что день был тя-

жёлым, что хочется просто лежать и ни о чём не думать, что кафе — это лишние движения. Но в его ворчании не было злости, только усталость, мягкая и привычная, как старый плед. Его светлые, слегка небрежные волосы падали на лоб, а голубые глаза, хоть и были сонными, всё равно смотрели на меня — не сквозь, а прямо. И в какой-то момент он вдруг будто увидел меня настоящую: не ту, которая ставит тарелки и говорит «всё нормально», а ту, которой сейчас очень нужно выбраться из этой тишины.

Он вздохнул, посмотрел на меня — и вдруг в его взгляде мелькнуло что-то другое: не раздражение, а понимание.

— Ладно, — пробормотал он, садясь на кровати и проводя рукой по лицу, будто стирая остатки сна. — Давай съездим. Только недолго, хорошо? Я правда устал.

Я не стала спорить, не стала обещать, что мы просидим всего час — боялась спугнуть это согласие. Вместо этого просто кивнула, улыбнулась и спрыгнула с кровати, чувствуя, как внутри разливается лёгкое, почти детское счастье.

— Спасибо, — тихо сказала я, уже на ходу, уже думая о том, что надеть, стоит ли подкрасить глаза. — Ты не пожалеешь, обещаю.

Матвей только хмыкнул, снова зевнул и пошёл в ванную, оставляя меня одну с этим новым, хрупким ощущением: вечер, который начинался как обычный, вдруг стал чем-то большим. Я не знала, что будет дальше, но чувствовала — этот вечер точно не будет таким, как все остальные.

Ночной город летел мимо, размываясь в полосы жёлтого и синего света. Улицы, обычно такие знакомые, сегодня казались чужими — будто мы ехали не по привычному маршруту, а сквозь какой-то другой, параллельный мир, где всё чуть ярче, чуть острее. В салоне тихо играла мелодия, знакомая до мурашек, но сейчас она звучала иначе, будто пела не про звёзды и предчувствия, а про меня. Про эту странную пустоту внутри, которую я старательно прятала за «всё нормально».

Я смотрела в окно, на мелькающие витрины и отражения фонарей в мокром асфальте, и вдруг поймала себя на мысли: мы с Матвеем стали чужими. Не врагами, не ссорящимися, а именно чужими — как два человека, которые когда-то шли одной дорогой, а потом незаметно свернули в разные стороны и даже не заметили, когда разошлись. Мы сидели рядом, в одной машине, но между нами висела тишина, в которой не было уюта — в ней было просто отсутствие слов.

Матвей смотрел вперёд, сжав руль чуть крепче обычного, будто дорога требовала от него той самой собранности, которую он привык держать на работе. Его худое, немного подкаченное тело было напряжено, а светлые волосы чуть растрепались от ветра из приоткрытого окна. И я вдруг поняла: он тоже чувствует эту дистанцию. Просто не знает, как её назвать. Или не хочет.

— Красиво сегодня, — сказала я скорее, чтобы разорвать эту тишину, чем потому, что действительно хотела об этом

говорить.

Матвей коротко кивнул, будто проверяя, уместно ли это слово.

— Ага. Дождь смыл пыль. Стало чище, — ответил он спокойно, без эмоций. И в этом «стало чище» мне почудилось что-то грустное — будто он имел в виду не улицы, а нас.

Мы подъехали к кафе, и я почувствовала, как сердце застучало где-то в горле — быстро, неровно, как будто я бежала, а не просто вышла из машины. Стук сердца отдавался в висках, заглушая даже музыку. Глубоко вдохнула прохладный ночной воздух, пытаясь унять дрожь, и мы вошли.

Внутри было уютно и немного шумно — мягкий свет, приглушённые голоса, запах свежего хлеба и кофе. За одним из столиков у окна сидела Маша — она тут же замахала нам рукой, сияя, как человек, который искренне рад видеть других. А напротив неё сидел Артём.

Он выглядел так же внушительно, как и запомнился, но теперь в нём было что-то новое — не рабочее, не «коллегское», а живое, настоящее. Большой, крепкий, в простой чёрной футболке, на шее — тонкие металлические цепи, которые при движении чуть позвякивали. В нём не было нарочитой брутальности — скорее спокойная уверенность человека, который не боится быть собой. Татуировки-рукава выглядывали из-под закатанных рукавов, но они не кричали о себе — скорее были частью его истории, которую он не собирался рассказывать каждому встречному.

Наши взгляды встретились — и время будто на секунду замерло. Это было то самое чувство, когда мир вокруг становится тише, а остаётся только один человек. Я вспомнила тот день в пекарне, когда он ещё работал там, а я зашла просто за чем-то сладким, чтобы скрасить серый обеденный перерыв. Вспомнила, как попросила слойку с малиной, а он пробурчал что-то недовольное, будто весь мир его раздражал, и неохотно протянул мне эту самую слойку. Я тогда чуть не рассмеялась — не над ним, а над этой его ворчливостью, которая почему-то казалась такой настоящей. И после той встречи он навсегда остался в моей голове — не как образ, а как ощущение: будто за этой внешней суровостью прячется что-то очень тёплое.

— Привет! — Маша вскочила, обняла меня, потом чуть отстранилась, улыбаясь во весь рот. — Ну наконец-то! Я уже думала, вы заблудились или передумали.

— Да нет, пробки, — улыбнулась я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, а не так, будто я только что пробежала марафон. — Маш, это Матвей, мой муж. Матвей, это Маша, мы с ней вместе работаем.

Матвей вежливо кивнул, пожал Маше руку, потом повернулся к Артёму.

— Артём, очень приятно, — сказал он спокойно, протягивая руку. — Маша много рассказывала.

Артём встал и пожал руку Матвею.

— Рад познакомиться, — кивнул он, и голос у него был

низкий, тёплый, с лёгкой хрипотцой. — Садитесь, тут как раз места хватит.

Мы сели. Я оказалась напротив Артёма, и это было одновременно слишком близко и слишком далеко — достаточно, чтобы видеть каждую деталь: как он чуть щурится, когда улыбается, как от него пахнет чем-то свежим и древесным, как в его карих глазах мелькают искры, когда он шутит.

Разговоры полились сами собой — легко, непринуждённо, будто мы знали друг друга не пару часов, а годы. Маша рассказывала про сына, про то, как он вчера устроил дома «концерт» из кастрюль и ложек, и все смеялись. Артём вставлял свои комментарии — не громко, не стараясь перетянуть внимание, но так метко, что смех становился громче.

К моему удивлению, Матвей тоже смеялся — искренне, без напряжения, и в эти моменты он снова становился тем самым парнем, с которым мы когда-то могли болтать до рассвета. Его голубые глаза светились, а небрежные светлые волосы падали на лоб так же, как много лет назад, когда мы только познакомились.

Но между мной и Артёмом всё равно витало что-то неуловимое — эти короткие взгляды, которые мы ловили друг на друге. Они были не наглыми, не вызывающими — скорее осторожными, будто каждый из нас проверял: «Ты это тоже чувствуешь? Или мне кажется?» И каждый раз, когда наши глаза встречались, внутри у меня что-то поджималось — не от страха, а от предвкушения, от понимания, что этот вечер

открывает какую-то новую дверь, которую я раньше даже не замечала.

Так мы просидели до двух ночи. Время летело незаметно — разговоры перетекали с темы на тему: про детство, про странные привычки, про любимые фильмы, про то, что каждый из нас больше всего боится потерять. И в какой-то момент я поймала себя на том, что смеюсь — по-настоящему, до слёз, до того, что живот сводит от смеха. И это было странно и прекрасно одновременно: я вдруг почувствовала, как с меня сползает та тяжесть, которую я носила месяцами, будто кто-то тихо развязал узел на спине, который я сама затянула слишком туго.

Когда мы наконец собрались уходить, город уже спал — улицы стали тише, фонари горели мягче. Мы вышли на крыльцо, и ночь обняла нас прохладой. Маша крепко обняла меня и шепнула: «Я так рада, что ты приехала». И я поняла, что тоже рада — не просто из-за вечера, а из-за того, что вспомнила: я умею смеяться, умею быть живой, умею хотеть чего-то большего, чем просто «всё нормально».

Матвей положил руку мне на плечо — не крепко, но достаточно, чтобы я почувствовала: он рядом. И в этот момент я не чувствовала себя чужой. Я чувствовала себя… настоящей.

Артём, прощаясь, просто кивнул мне — коротко, но в этом кивке было столько тепла, что оно осталось со мной, как тихий отголосок вечера. И когда мы шли к машине, я

знала: этот вечер точно не будет таким, как все остальные. Он уже изменил что-то внутри — тихо, без громких слов, но навсегда.

Глава 2.«Как мы снова стали живыми»

Два месяца пролетели как один длинный, но очень спокойный выдох. Дни снова стали привычными: Матвей уходил на работу, где его ждали новые заявки, новые датчики, новые «пожары», которые нужно было тушить быстро и без лишней суеты. Я, Анжелика, возвращалась домой, разбирала рутину, иногда писала Марии короткие сообщения — просто чтобы услышать её бодрое «Да ладно, не грузись, всё наладится». А про Артёма… про него я старалась не думать специально. Но он всё равно проскальзывал в мыслях — не навязчиво, а как тёплый отголосок того вечера: его низкий голос, его смешная привычка чуть наклонять голову, когда он слушает, его взгляд, в котором было столько внимания, будто он действительно слышал не слова, а то, что прячется между ними.

И вот однажды вечером, когда мы с Матвеем сидели на кухне, пили чай и пытались вспомнить, когда в последний раз у нас дома были гости, я вдруг сказала:— А давай позовём Марию с кем-нибудь. Пусть будет весело.

Матвей посмотрел на меня с лёгкой улыбкой — той самой, спокойной, которая появлялась, когда он понимал, что я снова пытаюсь вернуть в нашу жизнь немного жизни.—

С кем-нибудь — это с Артёмом? — уточнил он без упрёка, просто констатируя факт.

Я чуть замешкалась, будто меня поймали на чём-то, но потом кивнула.— Да. Мария его точно позовёт. И… мне кажется, нам всем будет хорошо вместе.

Он помолчал секунду, потом пожал плечами, как будто сбрасывая с себя лишнюю серьёзность.— Ладно. Тогда я займусь мясом, а ты делай свои роллы. И коктейли. Ты их классно делаешь.

Так и родилось это приглашение — простое, без пафоса, без ожиданий. Просто: «Приходите, посидим, поболтаем, будет вкусно». Мария ответила моментально, как будто только и ждала повода вырваться из домашних дел хотя бы на вечер: «Ура! Я в деле! И Артёма тоже позову, он как раз свободен».

К вечеру квартира наполнилась запахами: рис, соевый соус, свежий огурец, обжаренный лосось — всё это смешивалось в тот самый уютный аромат, который бывает только дома, когда ты стараешься для кого-то. Я крутила роллы, стараясь, чтобы они выглядели идеально, хотя внутри всё равно было это лёгкое, щекочущее волнение — как перед экзаменом, где ты вроде всё выучила, но всё равно боишься, что что-то пойдёт не так. Матвей ходил по кухне, пробовал соус, морщился, потом улыбался и говорил: «Ну, теперь нормально». И в этом «нормально» было столько тепла, что мне становилось спокойнее.

Когда гости пришли, всё сразу стало живым. Мария вле-

тела первой, прижимая к себе коробку с пирожными — «На всякий случай, если роллы не зайдут». За ней вошёл Артём — такой же большой, спокойный, в той же чёрной футболке, только без цепей, будто сегодня решил быть чуть менее «рок-звездой» и чуть более обычным парнем, который пришёл в гости к друзьям. Он сразу протянул Матвею бутылку хорошего пива — не как подкуп, а как жест, понятный любому мужчине: «Я пришёл не просто так, я пришёл с уважением».

— Ты за рулём? — спросил Матвей, когда мы сели за стол.

Артём кивнул, чуть улыбнувшись:— Ага. Так что я на лимонаде. Или на твоём чае, если он такой же крепкий, как ты рассказываешь.

Мы все рассмеялись, и этот смех сразу снял любое напряжение.

Стол был заставлен: роллы, нарезки, горячие крылышки, которые приготовил Матвей, пирожные от Марии, и, конечно, мои коктейли — яркие, с мятой и лаймом, в высоких стаканах со льдом. Все пили, кроме Артёма. Он спокойно размешивал свой лимонад, слушал, кивал, иногда вставлял шутку — не громкую, не перебивающую, а такую, от которой становилось теплее.

Вечер потёк легко, как река, которая нашла своё русло. Мы рассказывали истории: Мария — про сына, который решил, что он шеф-повар и пытался пожарить банан на сковороде; Матвей — про то, как на работе один датчик начал выдавать температуру минус двести, хотя на улице было плюс

двадцать пять; я — про то, как однажды перепутала соль с сахаром и испекла «солёное печенье», которое никто не смог есть. Артём слушал, улыбался, а потом вдруг рассказал, как в пекарне, где он когда-то работал, один клиент каждый день заказывал один и тот же круассан, но обязательно «с правой полки», потому что «на левой они грустят». Мы хохотали до слёз, и в какой-то момент я поймала себя на мысли: как же здорово, что они все здесь. Что мы все — такие разные, но сейчас сидим за одним столом, и нам не нужно притворяться, не нужно быть «лучше» или «правильнее».

В какой-то момент, когда Мария ушла на кухню долить воду, а Матвей с Артёмом обсуждали что-то про машины, я осталась с Артёмом за столом. Он посмотрел на меня, чуть наклонив голову, и тихо сказал:— Знаешь, я рад, что вы позвали. Иногда кажется, что все эти посиделки — это просто «надо», а тут… тут всё по-настоящему.

Я улыбнулась, чувствуя, как внутри разливается тепло.— Я тоже рада, — честно призналась я. — Иногда просто нужно, чтобы кто-то напомнил: жизнь — это не только дедлайны и поломки. Это ещё и вот это: роллы, смех, разговоры ни о чём и обо всём сразу.

Он кивнул, будто услышал что-то важное, и мы замолчали — но не в неловкой тишине, а в той, где слова не нужны.

Позже, когда вечер уже катился к финалу, мы вдруг поняли, что не хотим, чтобы он заканчивался. И тогда Мария, как всегда, взяла инициативу в свои руки:— Слушайте, а да-

вайте создадим чат. Ну, типа, «Наши посиделки». Чтобы не терять друг друга. Чтобы можно было просто написать: «Кто хочет кофе?» или «У кого день плохой?»

Все закивали, даже Матвей улыбнулся:— Хорошая идея. А то я иногда забываю, что у меня есть друзья, а не только заявки на починку.

Мы создали беседу в Телеграме — назвали её просто: «Разговорчики». И как только чат появился, все тут же начали писать: Мария отправила смешную гифку, Матвей написал: «Завтра на работе опять будет ад, но сегодня было хорошо», я добавила фото роллов, а Артём просто прислал смайлик с поднятым большим пальцем — и в этом жесте было столько искренности, что мне захотелось сохранить этот вечер в памяти навсегда.

А потом, когда все стали собираться, я поймала себя на одной мысли — тихой, но очень чёткой. Я смотрела на Марию, которая всё ещё смеялась над какой-то шуткой Артёма, на то, как она чуть наклонила голову, слушая его, как её глаза загорелись, когда он рассказал очередную историю… и я вдруг подумала: а ведь они могли бы быть отличной парой. Мария — яркая, живая, не боится быть смешной. Артём — спокойный, надёжный, умеет слушать. Они как два кусочка пазла, которые просто ещё не поняли, что подходят друг к другу.

«Надо как-то ненавязчиво их свести», — мелькнула мысль, и я тут же улыбнулась сама себе: вот я уже строю пла-

ны, будто я — главная сваха города. Но в этой идее не было ничего плохого — только желание, чтобы все вокруг были счастливы. Чтобы Мария нашла того, кто будет ценить её энергию, а Артём — того, кто будет смеяться над его шутками и не требовать от него быть «идеальным».

Мы вышли на лестничную площадку, попрощались: объятия, обещания «в следующий раз точно к вам», «я принесу пирог», «а я — хороший чай». Артём кивнул мне на прощание — не многозначительно, а просто как другу: «Спасибо за вечер, было здорово». И я кивнула в ответ, чувствуя, что этот вечер не просто прошёл — он что-то изменил. Не резко, не драматично, а тихо, по-домашнему: он показал, что рядом есть люди, с которыми можно быть собой. И что иногда счастье прячется не в громких событиях, а вот в таких вечерах — с роллами, коктейлями и разговорами, которые не хочется заканчивать.

Глава 3.«Леопардовая вечеринка»

День рождения всегда должен быть особенным, думала я, когда ещё в начале недели начала собирать эту леопардовую вечеринку — будто если накинуть на рутину яркий принт, она перестанет давить. Я листала маркетплейсы, выискивая аксессуары: ободки с ушками, браслеты с пятнышками, даже одноразовые стаканчики с леопардовым узором — хотелось, чтобы всё вокруг кричало: «Сегодня ты не просто Анжелика, жена, хозяйка, исполнительница обязанностей — сегодня ты героиня своего вечера». Потом забронировала то самое кафе — то, где мы впервые встретились два месяца нашей компанией, будто сама судьба подсказывала: пусть этот день будет про переходы, про то, как из одного состояния выходишь в другое.

Утро началось тихо, по-семейному. Днём ко мне пришли родственники — не шумной толпой, а так, как умеют только близкие: суетливо, но бережно. Мама всё время что-то поправляла на столе, переставляла тарелки, будто от этого праздник становился «настоящим». Папа ходил по квартире, делал вид, что проверяет розетки, а сам просто хотел быть полезным. Они были из тех родителей, которые не умеют сидеть спокойно: им нужно было что-то делать, куда-то бежать, кого-то обнимать. И от этой их суеты мне становилось спокойнее — будто я снова та маленькая девочка, которую мир

ещё не успел научить держать лицо ровным и не показывать, когда больно.

А больно было. Не острой, режущей болью, а той, которая въедается в кости: упрёки Матвеева, брошенные будто между делом, его «ты опять не так поняла», «ты слишком остро реагируешь», «я просто устал». И эти слова, сказанные усталым голосом, ранили сильнее крика, потому что в них звучало: «Ты меня не слышишь, и я не хочу, чтобы ты слышала». Я кивала, улыбалась, убирала, готовила, делала вид, что всё нормально. А внутри всё сжималось от унижения — не громкого, не театрального, а тихого, домашнего, от которого некуда спрятаться, потому что оно живёт с тобой в одной квартире.

И вот родители вручили мне подарок — духовой электрический шкаф. Красивый, современный, с кучей режимов, о которых я даже не знала, как думать. Мама сияла:

— Теперь будешь печь всё, что захочешь! Пироги, кексы, запеканки…

Я обняла их крепко, до слёз, и улыбнулась так широко, что щёки заболели.

В этот момент я не думала о том, что у меня нет сил на пироги. Я думала только о том, что они старались, выбирали, хотели сделать мне хорошо. И это было самое дорогое.

А вечером меня ждала настоящая вечеринка. Мария приехала первой — уже в леопардовых штанах, с ободом на голове и подарком в руках. Мы обнялись, и в этом объятии

было столько поддержки, что я чуть не расплакалась — но не от грусти, а от того, как сильно хотелось, чтобы этот вечер стал дверью, через которую я выйду из своей усталости. Мы с Марией надели одинаковые леопардовые штаны — не потому, что это было модно, а потому, что вместе мы чувствовали себя сильнее.

Я выглянула в окно: у подъезда стояла синяя «четырнадцатая», а рядом, прислонившись к капоту, стоял Артём. В чёрных спортивных штанах и в простой чёрной футболке — и всё равно он выглядел так, будто занимал больше места, чем позволяли ему квадратные метры двора. Он поднял голову, увидел, что я смотрю из окна, и просто кивнул — спокойно, без пафоса, но с такой теплотой, что внутри у меня что-то дрогнуло.

Когда мы спустились, он открыл дверь машины для Марии, потом для меня, будто это было самое естественное дело на свете — позаботиться, чтобы девушки не споткнулись на ступеньках. В кафе всё пошло как по маслу: официанты узнали, что у меня день рождения, и принесли шампанское — «от заведения, с любовью». И я начала пить. Сначала по чуть-чуть, потом быстрее, будто алкоголь был ключом, который мог открыть дверь в другую Анжелику — ту, которая не вздрагивает от резкого тона мужа, ту, которая умеет смеяться громко и не оглядываться, правильно ли она это делает.

Матвей сидел рядом, спокойный, собранный, но в его взгляде я ловила тень напряжения — он не любил шумных

вечеринок, не любил, когда эмоции били через край. Для него праздник — это тихий ужин, пара добрых слов, может быть, фильм. А тут — леопард, музыка, смех, шампанское. И я видела, как он старается быть здесь, старается улыбаться, но его улыбка была чуть натянутой — как у человека, который надевает чужую куртку, потому что так надо.

В какой-то момент моя двоюродная сестра, которая сидела рядом и всё время хихикала, вдруг вскрикнула:

— А это же твои родители! За соседним столом!

Я обернулась — и действительно, там, чуть в стороне, сидели мама и папа. Они не подходили, не хотели мешать, просто тихонько наблюдали за моей вечеринкой, будто боялись спугнуть моё взрослое счастье. И когда я увидела их, мне снова стало шесть лет. Без всяких переходов, без размышлений — просто щёлкнуло внутри: я маленькая, я их очень люблю, и мне нужно к ним.

Я вскочила, чуть не опрокинув бокал, и побежала к ним, прямо через зал, не думая, как это выглядит.

— Мам! Пап! — крикнула я, и голос мой дрожал от радости и от слёз, которые уже стояли в глазах.

Мама тут же встала, раскрыла объятия, и я уткнулась ей в плечо, вдыхая тот самый запах маминых духов и чего-то родного, что не меняется годами.

— Ну что ты, солнышко, — шептала она, гладя меня по спине, — мы просто хотели посмотреть, как ты веселишься. Боялись, что будем мешать.

Папа только улыбался, чуть смущённо, но в его глазах было столько гордости, что мне хотелось одновременно смеяться и плакать.

— Да тут кафе какой-то… полный отстой, — вдруг сказал папа, махнув рукой на интерьер, — а у нас дома большой дом, можно хоть до утра веселиться. Поехали к нам?

И я кивнула, не раздумывая. Всё, что было важно в эту минуту, — это быть рядом с ними, там, где меня любят просто так, без условий и без упрёков.

Мы быстро собрались. Родители прихватив мою сестру уехали первыми — мама ещё на ходу кричала: «Только не забудьте запастись терпением, я хочу показать твои детские фотографии!» — будто в этих снимках было что-то, что могло напомнить мне, какой я была, когда мир был простым и добрым.

А мы вчетвером — я, Матвей, Мария и Артём — поехали следом. По дороге заехали в магазин: купили пиво, чипсы, ещё какой-то ерунды, которая кажется обязательной, когда едешь продолжать праздник. Артём молча взял пакеты, донёс до машины, положил в багажник — и в этом его спокойном, уверенном движении было столько надёжности, что на секунду мне стало стыдно за то, сколько я выпила. Но стыд тут же растворился в шуме дороги и в том, как Мария смеялась над какой-то шуткой Артёма.

Дом родителей встретил нас тёплым светом и запахом вкусных блюд — мама всегда успевала чтото приготовить,

даже если уезжала на пять минут. А на столе уже лежали мои детские альбомы — раскрытые, будто ждали, когда я вернусь и снова стану той девочкой, которая смеётся над своими косичками и верит, что впереди только хорошее.

Мама с гордостью показывала Артёму мои фотографии — не просто «вот она маленькая», а с историями: «А тут она первый раз сама надела ботинки, но перепутала левый с правым и так и пошла гулять», «А тут мы ездили на море, она боялась зайти в воду, а потом вдруг побежала и закричала: Я умею плавать!». Артём смотрел на снимки, улыбался — не снисходительно, а искренне, будто ему действительно было интересно узнать, какой я была. И от этого мне становилось тепло — не пьяное тепло, а настоящее, от которого хочется быть лучше.

Вечер тянулся долго, по-домашнему, без спешки. Мы смеялись, рассказывали истории, Матвей наконец-то расслабился — здесь, среди родителей, он чувствовал себя не «мужем, который всё делает не так», а просто хорошим парнем, которого принимают. Артём сидел спокойно, слушал, иногда вставлял слово — и его голос, низкий и ровный, будто заземлял всю эту суету.

А потом силы кончились. Алкоголь, эмоции, напряжение последних месяцев — всё это навалилось разом, и я просто легла на диван, чувствуя, как комната чуть покачивается, но мне уже было всё равно. Последнее, что я запомнила, — как мама укрыла меня пледом, как папа тихо сказал комуто:

«Сейчас отвезу их домой», и как Артём кивнул и сказал: «Я помогу довести».

Очнулась я уже дома, в своей кровати, укрытая одеялом. Рядом тихо сопел Матвей. В голове гудело, но внутри было не пусто, а как будто что-то улеглось. Не навсегда, не насовсем — но на сегодня хватило.

Позже Мария прислала в общий чат: мы все вчетвером сидим у родителей, смеёмся, на фоне — мои детские фотографии. Подпись: «Лучший день рождения. Ты была счастлива. Это главное».

И я улыбнулась, глядя на экран. Да, в тот вечер я была счастлива — не идеальной, не собранной, не «правильной», а настоящей. И этого было достаточно.

Глава 4.«Как мы с директором решили встряхнуть коллектив»

Я сидела за своим рабочим столом, склонившись над кассовой книгой. Цифры ложились в графы ровно, строчка за строчкой, и эта механическая чёткость странным образом успокаивала. После отпуска возвращаться в привычный ритм всегда непросто: будто ты на пару недель выпала из общего течения, а теперь должна снова подстроиться под его скорость.

Когда я закрыла книгу и потянулась, разминая затекшие плечи.

Я неохотно встала и вышла из кабинета главной кассы. Взгляд невольно скользнул по коридору в сторону кабинета директора. Дверь была приоткрыта, недолго думая я зашла в кабинет.

Наталья, как всегда, сидела за своим столом — прямая спина, белая блузка, но в глазах уже знакомая мне искорка, которая выдавала её чувство юмора раньше, чем она успевала открыть рот. Она умела быть по-настоящему строгой, когда это требовалось, и именно поэтому с ней работа шла гладко: она никогда не ставила невыполнимых задач, а формулировала всё так, что даже самое сложное начинало казаться посильным.

— Анжелика, наконец-то! — воскликнула она, едва я появилась в дверях. — А я уже думала, ты решила вообще забыть про работу и наслаждаться возвращением. Ну, давай, рассказывай, как отпуск?

Я улыбнулась, вошла и присела на стул напротив. Пока она листала страницы, водя пальцем по строкам, я коротко рассказала про отпуск — про тихие вечера, про долгие прогулки, про то, как странно было не слышать привычного гула торгового зала.

А потом она вдруг подняла глаза, хитро прищурилась и сказала:

— Кстати, твой день рождения ведь на прошлой неделе был? Ты как раз в отпуске была…

Её вопрос прозвучал так искренне, что я невольно расслабилась. Обычно такие вопросы вызывают неловкость, но с Натальей всё было иначе: она спрашивала не из вежливости, а потому что ей действительно было интересно.

Я кивнула и, немного смущаясь, начала рассказывать. И как-то само собой разговор свернул на Артёма. Я не пыталась ничего объяснять или оправдываться, просто рассказывала, как мы теперь пересекаемся, как он шутит, как с ним легко говорить о пустяках — о чём-то таком, о чём с Матвеем мы давно не говорили. Слова лились сами собой, и я даже не сразу заметила, как раскраснелась.

Наталья слушала, чуть наклонив голову, а потом, как и всегда, не удержалась от своей фирменной шутки:

— Он же упырь, не общайся с ним.

Я вздрогнула от неожиданности, а потом рассмеялась. В её устах это звучало не как оскорбление, а как привычная, почти ласковая поддёвка. Мы обе знали, что никакого зла она не имеет, что это просто её способ добавить перчинки в разговор.

Но стоило ей произнести эти слова, как меня накрыло волной воспоминаний. Перед глазами вспыхнула картинка из моих первых рабочих дней. Я тогда только устроилась на сборку заказов, была зелёной, испуганной и старалась ни с кем лишний раз не сталкиваться. Как-то раз мне нужно было уточнить один рабочий вопрос, и я робко постучала в кабинет директора. Артём тогда еще работал в нашей компании руководителем пекарни, сидел там же, что-то объясняя ей по накладным.

Стоило мне переступить порог, как атмосфера в кабинете мгновенно изменилась. Наталья тут же расплылась в улыбке и, глядя то на меня, то на Артёма, начала эту свою игру:

— Смотрите, какая девушка к нам пришла! Анжелика, да? А это Артём, наш руководитель пекарни. Такой ответственный, такой серьёзный… Вы бы видели, как он с пекарней управляется!

Я тогда чуть не провалилась сквозь землю. Смущённо теребя край рукава, я только и могла, что лепетать:

— Да я… я замужем, вы что… Не надо, пожалуйста…

Артём тогда только усмехнулся, чуть склонив голову, и

ничего не сказал. Но в его взгляде мелькнуло что-то — то ли сочувствие, то ли понимание, то ли просто веселье от всей этой нелепой ситуации.

Сейчас, вспоминая тот момент, я так глубоко ушла в себя, что даже не сразу заметила, как Наталья замолчала. Я сидела, уставившись в одну точку, и видела перед собой не стены кабинета, а тот самый день, когда я была такой наивной и такой уверенной в том, что всё в моей жизни идёт по плану.

— Анжелика? Ты меня слышишь? — голос Натальи вернул меня в настоящее.

Я моргнула, встряхнула головой, пытаясь прогнать наваждение.

— Простите, задумалась…

— Ничего, бывает, — она снова улыбнулась, но теперь в её улыбке было больше теплоты, чем озорства. — Слушай, а давай устроим корпоратив?

Предложение прозвучало так неожиданно, что я на секунду потеряла дар речи. Корпоратив. Веселье. Люди. И… необходимость кого-то туда привести.

— Ну, я не знаю… — начала было я, но она тут же перебила.

— Знаю, знаю, ты сейчас скажешь, что тебя муж не отпустит. Но для коллектива это было бы важно. Давай сделаем это вместе. Можешь мужа своего привести, Матвея. И… этого своего «упыря», Артёма. Пусть посидит, попьёт сок, поглядит, как нормальные люди веселятся, — она подмиг-

нула, и я снова не смогла сдержать улыбку.

Так мы и начали обсуждать детали. Говорили о месте, о программе, о том, кто что принесёт. Наталья загорелась этой идеей, как загорается всем, что может сплотить коллектив, и постепенно её энтузиазм передался и мне. Впервые за долгое время я почувствовала, что мне хочется чего-то большего, чем просто отсидеть смену и уйти домой.

На следующий день, во время обеденного перерыва, мы с Натальей прошлись по торговому центру, где располагался наш магазин. Витрины манили яркими нарядами, и директор, которая обычно носила блузки и строгие джинсы, вдруг загорелась идеей найти что-то особенное, желательно блестящее.

— Ты должна сиять, — настаивала она, вытаскивая из ряда вешалок то одно, то другое платье. — Даже если тебе кажется, что никто не смотрит, ты должна знать, что ты прекрасна.

Мы смеялись, примеряли нелепые шляпы и спорили о фасонах. В какой-то момент я поймала себя на мысли, что давно так не отдыхала душой. В итоге я выбрала платье глубокого синего цвета — не кричащее, но элегантное, с лёгкой драпировкой, которая красиво ложилась складками.

Домой я вернулась с пакетом и с каким-то непривычным волнением внутри. Оставалось самое сложное — уговорить Матвея.

Муж встретил меня настороженно. Он не любил шумные

сборища, предпочитая тихие вечера дома, и моё предложение воспринял без особого энтузиазма.

— Корпоратив? Опять? — протянул он, откладывая газету. — Ну, ты же знаешь, я не фанат этих посиделок.

— Пожалуйста, — взмолилась я. — И Наталья настаивала, чтобы ты пришёл. Да и Артём тоже будет, мы как компания идём…

Он вздохнул, посмотрел на меня долгим взглядом, в котором читалось и раздражение, и желание сделать мне приятное, и наконец кивнул.

— Ладно. Ради тебя. Но только на пару часов, договорились?

Я бросилась ему на шею, чувствуя, как внутри разливается тепло.

С Артёмом было проще. Я просто написала ему сообщение:

— Если ты обещаешь, что там не будет глупых конкурсов, то я пойду.

— Обещаю, — рассмеялась я.

И вот так, шаг за шагом, план начал обретать реальные очертания. Впереди был корпоратив, новые наряды, неловкие разговоры и, возможно, что-то ещё — то, что пока пряталось за горизонтом и не имело названия.

Глава 5.«Цена одного вечера»

Утро начиналось так, будто кто-то нарочно выкрутил яркость на максимум: солнце било в окна безжалостно, по-весеннему резко, и каждый луч, казалось, был заряжен не светом, а виной. Но до утра ещё было далеко — сначала был вечер, тот самый вечер, который теперь рассыпался в памяти на отдельные, слишком яркие кадры, будто вырванные из чужой жизни.

Я стояла перед зеркалом в спальне, медленно нанося макияж — совсем немного: капельку туши, чуть-чуть румян, прозрачный блеск для губ. Хотелось выглядеть не броско, а так, будто я просто проснулась и сразу стала красивой. Платье глубокого синего цвета лежало на кровати, и, надев его, я провела ладонью по лёгкой драпировке — ткань ложилась мягкими складками, струясь и одновременно держа форму. Сзади подол тянулся длинным шлейфом, а спереди едва прикрывал колени — в этом была какая-то дерзкая женственность, которой мне в последнее время так не хватало. Босоножки на платформе с тонкими завязками обвивали щиколотки, добавляя образу хрупкости.

— А я ничего! — сказала я своему отражению, пытаясь улыбнуться. Улыбка вышла немного натянутой, но всё же настоящей — в ней было и волнение, и робкая надежда, что этот вечер станет чем-то особенным.

Матвей уже был готов. Он стоял у двери, в брюках и чёрной футболке с каким-то графичным принтом — простой, привычный, свой. Я вдруг поймала себя на мысли, что знаю каждую его морщинку, каждую интонацию, но сегодня он казался мне чуть чужим, будто мы оба стояли на пороге чего-то, что изменит всё.

— Ну что, поехали? — спросил он, не глядя на меня слишком пристально. В его голосе не было раздражения, но и радости тоже не было — только готовность сделать это ради меня.

Мы вызвали такси. Машина пахла дешёвым освежителем и кожей, и этот запах странным образом успокаивал — он был обычным, земным, не давал улететь в тревожные мысли. Кафе, где проходил корпоратив, встретило нас светом, смехом и гулом голосов, в котором я тут же вычленила знакомые интонации.

В зале уже почти все были в сборе. Мои кассиры — сидели за большим столом, смеялись и подливали друг другу напитки. Наталья, как всегда, была в центре внимания, её голос перекрывал даже музыку. Рядом с ней, привычно хмурясь, сидел её заместитель Дмитрий — мужчина за пятьдесят, ворчливый, но надёжный, из тех, кто всегда знает, где лежат все документы и кто в чём виноват. Работницы торгового зала, Мария и Любовь, оживлённо обсуждали что-то, размахивая руками. Мальчики со сборки заказов, Назар и Виктор, уже танцевали, не дожидаясь приглашения.

И среди всех этих знакомых лиц был Артём. Он стоял у окна, в тёмной рубашке, чуть расстёгнутой сверху, и смотрел куда-то в сторону, будто хотел быть здесь, но не до конца верил, что ему тут место. Когда я вошла, он поднял глаза, улыбнулся — не широко, а так, что улыбка коснулась только уголков губ, — и кивнул мне.

Вечер понёсся, как неуправляемый поезд. Мы пили, танцевали, пели в караоке, и с каждым тостом мир становился чуть мягче, границы — чуть размытее. Я смеялась до слёз, кружилась в танце, чувствовала, как ткань платья обвивает ноги, как воздух становится гуще от музыки и чужих голосов. И в какой-то момент я перестала себя контролировать — не потому, что хотела забыться, а потому, что впервые за долгое время почувствовала себя живой.

Наталья, как всегда, не упускала случая поддеть Артёма.

— Ну что, упырь, не скучаешь по нашей пекарне? — крикнула она ему.

Но потом, когда смех стих, она подошла к нему ближе, и их разговор стал серьёзным. Я видела, как она что-то говорила, активно жестикулируя, как Артём кивал, как его лицо становилось сосредоточенным. Позже я узнала, что она позвала его обратно — снова стать руководителем пекарни. Они даже успели договориться о встрече, чтобы обсудить документы и рабочие моменты. В этом было что-то правильное: будто круг замкнулся, и всё вернулось на свои места — кроме меня.

Как закончился вечер, я не помню. Помню только обрывки: чей-то смех, запах духов, музыку, которая становилась всё громче, и ощущение, что земля уходит из-под ног. Помню, как Артём отвёз нас с Матвеем домой — я смутно видела его профиль в свете уличных фонарей, слышала его спокойный голос: «Держитесь, сейчас доедем». Помню, как Матвей помог мне подняться по лестнице, как я цеплялась за перила, чувствуя, что мир качается.

А потом наступило утро. И с ним — скандал.

Матвей ходил по кухне, сжимая кулаки, и слова его падали, как камни. Он говорил о доверии, о границах, о том, что не собирается делить меня ни с кем, даже если это просто «старый коллега». Его голос дрожал от злости и боли, и в этом дрожании было что-то страшнее крика.

Я кричала в ответ, слёзы лились сами собой, смешиваясь с чувством вины и каким-то диким, необъяснимым страхом — страхом остаться одной, страхом потерять то, что у меня было, даже если оно давно перестало быть тем, чем казалось. В какой-то момент я схватила чашку со стола и швырнула её на пол — звук разбитого фарфора резанул по ушам, как предупреждение.

Потом была тишина. Тяжёлая, звенящая, в которой слышно было только наше дыхание. Я плакала, уткнувшись в ладони, и где-то глубоко внутри, под слоями вины и страха, шевелилось что-то ещё — чувство, которое я боялась назвать даже про себя.

Когда эмоции немного улеглись, я достала телефон и написала Артёму. Просто слова, без предисловий: «Мы поссорились. Он говорит о разводе. Мне страшно».

Ответ пришёл почти сразу: «Не паникуй. Сейчас всё кажется хуже, чем есть. Ты не одна. Всё наладится».

Эти простые слова упали в меня, как камень в воду, — круги пошли по всему телу, и впервые за день я смогла сделать глубокий вдох.

Позже, когда Матвей ушёл в другую комнату, хлопнув дверью, я вышла на лоджию. Ветер тут же подхватил подол платья, которое я так и не сняла, будто оно могло защитить меня от реальности. Я смотрела на город, на серые крыши, на редкие огоньки в окнах, и понимала: нужно что-то сказать, нужно попытаться вернуть то, что рассыпалось за одну ночь.

Я вернулась в комнату, села напротив Матвея — не слишком близко, чтобы не спровоцировать новую вспышку, но так, чтобы он видел моё лицо.

— Прости, — начала я, и голос дрогнул. — Я не хотела тебя ранить. Просто… этот вечер, он как будто вытащил наружу всё, что я прятала. Мне страшно потерять нас.

Он молчал долго, так долго, что мне казалось, будто время остановилось. Потом он поднял глаза — в них всё ещё была обида, но уже не такая острая.

— Я тоже боюсь, — наконец сказал он тихо. — Боюсь, что мы стали чужими и даже не заметили этого.

Я хотела сказать что-то ещё, хотела объяснить, что ниче-

го не было, что это просто вечер, просто эмоции, но слова застряли в горле. Вместо этого я протянула руку и положила её поверх его ладони. Он не отдёрнул руку. Это было уже что-то.

За окном начинался новый день, и в воздухе витало ощущение, что всё только начинается — не заканчивается, а именно начинается. Но где-то на краю сознания мелькнула мысль, от которой становилось не по себе: сообщение Артёму не осталось без ответа. И этот ответ, такой спокойный и уверенный, оставил во мне не только облегчение, но и что-то ещё — лёгкое, едва уловимое чувство, похожее на долг, который я пока не знала, как вернуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.